

Потомства Михаилъ Ярославичъ не оставилъ: по крайней мѣрѣ, его не видно ни по лѣтописямъ, ни по родословнымъ⁶³).

Андрей Ярославичъ.

1238 † 1264.

Лѣтописи не оставили извѣстій о времени рожденія Андрея Ярославича, третьяго сына Ярослава Всеволодовича⁶⁴). Въ первый разъ объ немъ упоминается въ лѣтописяхъ подъ **1238** годомъ, какъ объ одномъ изъ числа князей, спасшихся отъ меча татарскаго⁶⁵).

Въ **1240** г. братъ Андрея Александръ изъ-за чего-то разошелся съ новгородцами и ушелъ отъ нихъ въ Переяславль. Но тѣсняемые сосѣдями — нѣмцами, новгородцы просили у Ярослава Всеволодовича князя для Новгорода, и тотъ послалъ къ нимъ сына Андрея. Вѣроятно, Андрей не оправдалъ ожиданій новгородцевъ, и они отправили къ Ярославу второе посольство — просить Александра, который и отправился къ нимъ, неизвестно, впрочемъ, на какихъ условіяхъ, а Андрей удаллся къ отцу⁶⁶). Но въ слѣдующемъ **1241** году мы опять видимъ его въ Новгородѣ, куда онъ посланъ былъ отцемъ въ помощь къ брату Александру въ борьбѣ его съ нѣмцами, по разбитіи которыхъ въ такъ называемомъ Ледовомъ побоищѣ, въ **1242** г.,

стязанію бывшу» (какъ будто не окончено). Далѣе о Михаилѣ нѣтъ ничего, какъ и о битвѣ на Протвѣ. Походъ же Андрея можно принять за продолженіе перваго похода, послѣ котораго литовцы, очевидно, одержавшіе на Протвѣ верхъ, могли достигнуть до Зубцова. Во всякомъ случаѣ, страннымъ можетъ казаться въ хронологическомъ отношеніи то, что Александръ вступаетъ въ споръ съ Михаиломъ и идетъ съ нимъ въ орду, на что требовалось не мало времени. Но намъ рѣшительно несомнѣннымъ кажется, что битва на берегу Протвы здѣсь по недосмотру упущена, а ниже вм. *Михаилъ* надобно читать *Андрей*. Дѣло было, конечно, такъ: Андрей и Александръ отправились въ 1247 или 1248 г. въ орду; Михаилъ, пользуясь отсутствіемъ старшихъ братьевъ, выгналъ изъ Владимира слабого и, какъ видно по его дѣйствіямъ, безхарактернаго Святослава. См. прим. 69.

63) Мальгинъ («Зерцало», 267) даетъ ему сына Бориса; покойный М. Д. Хмыровъ («Алфавитно-справочный перечень удѣльныхъ князей», № 404), отмѣчая у Михаила сына Бориса, ссылается на какія-то нелѣтописныя сказанія, подъ которыми, можетъ быть, разумѣтъ того же Мальгина. Во всякомъ случаѣ, объ этомъ Борисѣ мы ничего не знаемъ.

64) Ни родословныя, ни историки не согласны относительно старшинства Андрея и Александра. Мы считаемъ старшинство послѣдняго несомнѣннымъ на томъ основаніи, что Александръ занималъ Переяславль. См. прим. 43.

65) П. С. Р. Л. I, 200 (подъ 1239 годомъ), 225; V, 174; VII, 143; XV, 373; Ник. III, 3.

66) Ibid. III, 53; V, 179 и слѣд.; VII, 149; XV, 381; Ник. III, 14.

онъ опять воротился къ отцу⁶⁷⁾. Затѣмъ въ продолженіе лѣтъ шести Андрей какъ будто скрывается изъ глазъ лѣтописцевъ: до **1247** г. лѣтописи молчатъ о немъ.

Судя по дѣйствіямъ братьевъ — Ярославичей, — Михаила, прогнавшаго дядю Святослава изъ Владиміра, и старшихъ его братьевъ, Александра и Андрея, спорившихъ, какъ увидимъ, о великокняжескомъ столѣ при жизни дяди, — Святославъ Ярославичъ подавалъ какіе-то поводы племянникамъ своимъ оспаривать у него великокняжеское достоинство⁶⁸⁾. Въ 1247 г., когда, слѣдовательно, былъ еще на владимірскомъ столѣ Святославъ Всеволодовичъ, Андрей и Александръ Ярославичи отправились къ Батю, который послалъ ихъ къ великому хану, въ Монголію. Послѣдній, съ умысломъ — какъ нѣкоторые думаютъ — или безъ всякой задней мысли далъ Александру, умнѣйшему и энергичнѣйшему изъ тогдашнихъ русскихъ князей, разоренный, бѣдный и теперь непривлекательный Кіевъ, — а Андрею (какъ менѣе опасному по уму и энергіи) — Великое Княженіе Владимірское. Братья возвратились изъ Монголіи въ **1249** году⁶⁹⁾. Въ слѣдующемъ **1250** году, когда Святославъ ходилъ въ орду и, какъ видно, хлопоталъ — хотя и безуспѣшно — о великокняжескомъ столѣ, Андрей съигралъ во Владимірѣ свою свадьбу: онъ женился на дочери Данила Романовича галицкаго⁷⁰⁾. Можетъ быть, этотъ родственный союзъ Андрея съ однимъ изъ видныхъ и сильныхъ южно-русскихъ князей заставилъ Александра дѣйствовать рѣшительнѣе: въ **1252** году онъ отправился къ сыну Батыя, Сартаку, которому жаловался на брата Андрея, что онъ обманомъ, не по старшинству получилъ великокняжескій столъ и несполна платитъ хану выходъ. Разгнѣванный ханъ приказалъ доставить Андрея

67) Ibid. I, 201 (подъ 1242 годомъ); III, 53; IV, 37, 179 (подъ 1241 годомъ); V, 180; VII, 150; Ник. III, 14—15.

68) Хотя лѣтописи и молчатъ о характерѣ Святослава, но по дѣйствіямъ его видно, что онъ былъ слабохарактеренъ: такъ, въ борьбѣ старшихъ братьевъ онъ переходитъ на сторону то одного, то другаго, — а потерявши великокняжескій столъ, не настойчиво добивается возвращенія его. Такія качества характера его, вѣроятно, и подавали поводъ племянникамъ его искать подъ нимъ великокняжескій столъ.

69) П. С. Р. Л. I, 201, 252; II, 341; IV, 38; VII, 156, 159, 236; Ник. 26, 31. Лѣтописи тутъ, кажется, спутываютъ событія: I, 252 и IV, 38 подъ 1248 годомъ говорятъ, что Андрей прогналъ съ владимірскаго стола дядю своего, Святослава Всеволодовича, и самъ сѣлъ во Владимірѣ; по другимъ лѣтописямъ Андрей и Александръ пошли въ орду (а оттуда, конечно, прямо въ Монголію) въ 1247 году, а изъ Монголіи воротились въ 1249 г. Вѣроятно, Андрей прогналъ дядю по прибытіи изъ Монголіи на томъ основаніи, что онъ (Андрей) получилъ Владиміръ отъ самого великаго хана. Въ такомъ случаѣ надобно предположить, что по убіеніи Михаила Святославъ вторично занялъ владимірскій столъ. Этимъ же могутъ объясняться и безуспѣшныя хлопоты Святослава въ ордѣ въ 1250 году, если только онъ ходилъ въ орду съ этой цѣлью. См. прим. 62.

70) Ibid. I, 202; VII, 159; XV, 396; Ник. III, 32.

къ себѣ. Еще до возвращенія Александра изъ орды, на Русь пришли съ татарскою ратью Неврюй, Котья и храбрый Олабуга. «Господи!» сказалъ Андрей: «доколѣ намъ ссориться между собою и наводить другъ на друга татаръ? Лучше бѣжать въ чужую землю, чѣмъ дружить съ татарами и служить имъ!» Посовѣтовавшись съ боярами, Андрей съ семействомъ и приближенными людьми бѣжалъ. Татары нагнали его (іюля 24) подъ Переяславлемъ, разбили и едва не захватили въ плѣнъ; онъ успѣлъ ускользнуть отъ нихъ въ Новгородъ, гдѣ не былъ принятъ; бросился въ Псковъ, откуда — дождавшись здѣсь жены своей — ушелъ въ Колывань (Ревель). Оставивъ въ послѣднемъ городѣ жену свою, онъ отправился въ Швецію, куда, потомъ, прибыла и жена его⁷¹⁾. Великокняжескій столъ занялъ Александръ Невскій.

Въ 1256 г. Андрей воротился въ Русь⁷²⁾ и съ любовью принять былъ Александромъ, который хотѣлъ дать ему Суздаль, но не рѣшался этого сдѣлать безъ воли разгнѣваннаго на Андрея хана. Андрей пошелъ на Городецъ и Нижній-Новгородъ. Въ томъ же году посольство Александра дарами умилило хана и примирило его съ Андреемъ. Въ слѣдующемъ 1257 году вмѣстѣ съ братомъ Александромъ и племянникомъ, Борисомъ Васильковичемъ ростовскимъ, Андрей отправился въ орду для поднесенія даровъ и оказанія чести Улавчію. Цѣль этой поѣздки заключалась, вѣроятно, въ приобрѣтеніи благорасположенія Улавчія, который былъ объявленъ намѣстникомъ Руси, — хотя и предположеніе Карамзина можетъ быть правдоподобно: исторіографъ догадывается, что князя сѣверовосточной Руси, «свѣдавъ намѣреніе татаръ обложить сѣверную Россію, подобно Кіевскому и Черниговскому княженію, опредѣленною данію по числу людей, желали отвратить сію тягость, но тщетно»: явились татарскіе численники и изочли земли: Суздальскую, Рязанскую и Муромскую. Въ 1258 г. Андрей и Александръ Ярославичи, Ярославъ тверскій и Борисъ Васильковичъ ростовскій ѣздили въ орду. Теперь татары потребовали, чтобы и Новгородская земля была исчислена и платила дань. Александръ и Андрей

71) Ibid. I, 202, 226, 252; II, 342; IV, 38; V, 187; VII, 159—160. Эти событія совершились въ 1251—1252 гг., но въ разныхъ лѣтописяхъ они размѣщены подъ этими годами различно: по I, II, IV и VII и нашествіе Неврюя, и бѣгство Андрея совершились въ 1252 году; по V — въ 1251-мъ; XV, 396 и Ник. III, 33 и д. пристають къ первымъ; первая изъ этихъ послѣднихъ подъ 1252 г. невѣрно передаетъ, что Андрей въ Швецію былъ убитъ, а далѣе, стр. 403, подъ 1264 годомъ сама же говоритъ о его смерти; то же говорится въ V, 187 подъ 1252 годомъ, — а IV, 38 подъ тѣмъ же годомъ говоритъ, что онъ убитъ Чудью.

72) Воскр. лѣт. (т. VII, 160) говоритъ о возвращеніи Андрея подъ 1252 годомъ не потому, чтобы онъ дѣйствительно въ этомъ году возвратился, а потому, что составитель свода хотѣлъ сгруппировать о немъ факты.

Ярославичи и Борисъ ростовскій отправились съ татарскими численниками въ Новгородъ. Сначала дѣло ихъ шло безуспѣшно, и только въ слѣдующемъ **1259 г.** вслѣдствіе ложнаго слуха о томъ, что на Новгородъ собираются огромныя полчища татаръ, князьямъ удалось исчислить Новгородскую землю. Изъ Новгорода Андрей возвратился въ Суздаль⁷³). Затѣмъ лѣтописи ничего не говорятъ объ этомъ князѣ до самаго **1264** года, а подъ этимъ послѣднимъ отмѣчаютъ его смерть и погребеніе въ г. Суздаль⁷⁴).

Андрей Ярославичъ отъ брака съ дочерью Данила Романовича галицкаго, неизвѣстной намъ по имени⁷⁵), оставилъ сыновей: Юрія, Василия и Михаила.

73) П. С. Р. Л. I, 203, 226; Ник. III, 37—40. Думаемъ, что Андрей возвратился въ Суздаль, а не во Владиміръ, какъ можно вывести изъ неопредѣленнаго извѣстія I, 203, и нѣтъ никакихъ основаній полагать, что онъ возвратился помимо своей отчины—въ великокняжескую, куда вскорѣ прибылъ изъ Новгорода Александръ.

74) Лѣтописи не согласны въ обозначеніи года его смерти: I, 226; IV, 39 и XV, 403 считаютъ годомъ смерти его 1264 годъ; V, 192—1265; VII, 164—1263; Ник. III, 43—1264. См. слѣдующее примѣч.

75) Въ лѣтописяхъ говорится, что Андрей «поа Даниловну Романовича» (см. цит. 70-го примѣчанія), но какъ ее звали, намъ неизвѣстно. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ («Энцикл. словарь, сост. русск. учен. и лит. т. IV, подъ Андреемъ Ярославичемъ») и М. Д. Хмыровъ (№ 185) называютъ ее Юстиной, по-просту — Устиньей. Кажется, они сбились извѣстіемъ Никон. лѣтописи, или Мальгинымъ. Ник. лѣтопись подъ 1278 годомъ (III, стр. 66) говоритъ: «преставись благовѣрный князь Андрей Ярославичъ и жена его Устиния»; на полѣ противъ этого мѣста отмѣчено: «Андрей Ярославичъ углич.» Но всѣ лѣтописи считаютъ годомъ смерти Андрея или 1263, или 1264 или, наконецъ, 1265, въ томъ числѣ второй изъ указанныхъ годовъ, въ своемъ мѣстѣ, принимаетъ и Ник. лѣтопись (см. предыдущее примѣчаніе), не говоря, впрочемъ, что тогда же умерла и жена его. Киссель, или Кисель (какъ своего земляка величаетъ мѣстная ярославская литература) въ своей «Исторіи города Углича» (Ярославль, 1844), основанной, между прочимъ, на мѣстныхъ лѣтописяхъ, называетъ Устиньей жену Андрея Владиміровича угличкаго, умершаго въ 1261 г. (I, 204; VII, 162). Карамз. (IV, прим. 182) относитъ смерть Андрея Владиміровича и жены его Юстины къ 1278 году. Въ такомъ случаѣ надобно принять предположеніе Кисселя, что больной Андрей въ 1261 г. могъ передать владѣтельные права надъ Угличемъ брату своему Роману, а лѣтописцы, такимъ образомъ, этотъ годъ (1261), видя княземъ угличкимъ Романа, могли счесть годомъ смерти Андрея, хотя онъ могъ дожить и до 1278 года. Очевидно только то, что Никон. лѣтопись смѣшала здѣсь Андрея угличкаго съ Андреемъ суздальскимъ и Устинью, жену первого, приурочила къ послѣднему. Сопоставляя «Даниловну Романовича» однихъ лѣтописей съ Устиньей, женой Андрея, яко бы, Ярославича угличкаго—Никоновской, Мальгинъ («Зерцало», 270) прямо называетъ жену Андрея Ярославича Юстиньей Даниловной, дочерью Данила Романовича, что принимаетъ и Хмыровъ. Но послѣдній, въ то же время, жену Андрея Владиміровича угличкаго (№ 305) называетъ также Устиньей, «извѣстной только по имени», очевидно, односторонне пользуясь только вторымъ извѣстіемъ Никон. лѣтописи (III, стр. 66), изъ котораго, дѣйствительно, не видно, чья была дочь эта Устинья. И такъ, пока мы знаемъ только, что Андрей былъ женатъ на дочери Данила Романовича и что Устинья, жена Андрея Владиміровича угличкаго, благодаря ошибкѣ Никон. лѣтописи, назвавшей послѣдняго Ярославичемъ, приписывается нѣкоторыми Андрею суздальскому.